

УДК 321.01

О.А. Мирошников, канд. филос. наук, доцент

Крымский гуманитарный университет

ул. Севастопольская 2, г. Ялта, Крым, Украина, 98635

E-mail: office@cshi.crimea.edu

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДИКТАТОРСКИЕ РЕЖИМЫ

Говорится об особенностях процесса модернизации применительно к разным странам. Основное внимание уделяется взаимосвязи модернизационных процессов с диктаторскими режимами, возникающими в ходе революции.

В свое время А. Токвиль отмечал, что народ никогда не расположен к усилению центральной власти так, как «после долгой и кровавой революции... Тогда желание общественного спокойствия превращается в слепую страсть и люди делаются способными проникнуться очень беспорядочной любовью к порядку» [1, с. 50].

Когда А. Токвилем были написаны эти строки, опыт изучения революций делал лишь первые свои шаги. Сейчас мы можем убедиться в том, что эта «беспорядочная любовь к порядку» является подлинно всеобщей. Трудно указать страну, не затронутую революционным процессом, точно так же трудно указать и страну, которая не знала бы в паузах между революционными порывами порядка диктатур.

Существуют два типа диктаторских режимов, которые возникают в ходе революционного процесса и, в какой-то мере, предшествуют ему. Первый из них, авторитарный режим, довольно жестко ориентирован на главу государства (диктатора или олигархическую группу). Абсолютная монархия является разновидностью подобного режима. В качестве опоры авторитарного режима выступают армия и госаппарат. Глава государства может занять этот пост как легальным, так и нелегальным путем. Воля главы государства выступает как закон независимо от того, оформлена ли она юридически. Авторитарный режим господствует преимущественно в политической сфере общества, вторжение его в иные сферы неизбежно, но носит эпизодический характер. Оппозиция режиму может выступать в различных сферах, даже и в политической, но свобода действия ее ограничена (официально или неофициально).

Тоталитаризм же стремится подчинить себе все сферы общественной жизни. Во главе тоталитарного режима стоит партия особого типа (в «чистых» тоталитарных режимах происходит слияние партии и государства, дублирование и подмена государственных органов соответствующими партийными), руководствующаяся идеологией, которую она пытается распро-

странить на весь народ. Это является следствием характера тоталитарного режима в целом, пытающегося контролировать все сферы общественной жизни. В Новое время тоталитарные режимы возникают в ходе модернизационных процессов: политической и социальной революции, индустриализации и т.п.

Х. Арендт выводила возникновение тоталитарных режимов, из тоталитарных движений, которые могли зародиться лишь при наличии двух условий: присутствии в обществе аморфной социальной структуры (граничащей с бесклассовостью) и тоталитарного лидера. «Борьба рас за господство над миром, борьба классов за овладение политической властью в различных странах оказалась более важными, чем другие идеологии. В этом смысле победа идеологий расизма и коммунизма над всеми другими «измами» была достигнута еще до того, как тоталитарные движения остановили свой выбор именно на этих идеологиях» [2, с. 128]. Тоталитарное государство прибегает к целенаправленному обману масс путем пропаганды и террора, принимающего абсолютные формы. При этом ставится цель преобразовать не только старое общество, но и саму человеческую природу [3, с. 46]. Решающее различие между тоталитарным господством, основывающимся на терроре, и тираниями и диктатурами, осуществляющими насилие, заключается в том, что первый обращен не только против врагов, но и, в равной мере, против друзей и сторонников, страшась любого могущества, даже могущества своих друзей [3, с. 458].

К. Ингерфлом исходит из своего определения тоталитарных систем как таких, в которых поощряется тенденция к стиранию различий между политическим и социальным. В тоталитарном обществе «атомизированные массы пришли на смену классам и группам ...» [4, с. 375]. Добавим, что такое стирание границ внутри общества становится возможным только в результате революционного процесса. Значит и данное объяснение возникновения тоталитаризма логически выводит его из революции.

Г. Нимейер отмечает, что революционный переворот нередко заменяет авторитарный режим тоталитарным. Причину он видел в тоталитарной критике общества революционерами. Для них не существует настоящего, есть только будущее, коим оно предстает в их воображаемом идеале [5, с. 140].

Модернизацию способны провести в жизнь разные политические силы, представляющие очень различающиеся по своим интересам социальные группы. При этом, в силу многих обстоятельств, заинтересованными в проведении индустриализации также оказываются весьма разные социальные группы. Так, в Российской империи верхи не были заинтересованы в индустриализации, новый средний класс был слаб. Поэтому индустриализацию провели, в конечном счете, социальные низы. Но это стало возможным лишь в результате их полного овладения государством.

Власть, возникающая в ходе революционного процесса, вовсе не обязательно является диктатурой. Она может быть либеральной или демократической. Опасность превращения такой власти в диктатуру или смены ее диктатурой обусловлена тем, что революция несводима к одномоментному акту, однократному перевороту, что ни одна сила, пришедшая к власти в процессе революции, не должна быть рассматриваема в качестве последней ее инстанции.

Формы власти, которые сменяют одна другую в ходе революции, являются внешним проявлением диалектики этого процесса. Как же связаны традиционные режимы с причастностью страны к тому или иному этапу индустриализации? Если монархия сословная, есть предпосылки для индустриализации уже в первом эшелоне. В этом случае власть не вмешивается активно в экономические процессы, противодействуя лишь нарушению социальной структуры общества. Политическая революция возможна и в этом случае, но она слабо затрагивает низы общества, ограничиваясь устранением препятствий, чинимых феодализмом и компромиссом феодального государства с гражданским обществом (Англия). Но индустриализация может и запоздать. В этом случае средние слои овладевают государственным аппаратом, а верхи стремятся брать (и нередко берут) реванш. Все это приводит к диктаторским режимам (Латинская Америка).

Если в мусульманском государстве власть активно вмешивается в экономический процесс, то она действует при этом, как правило, эгоистично. Присвоение нарождающегося капитала государством способно существенно затормозить модернизационный процесс. Но целенаправленное поощрение государством модернизации может привести к государственному перевороту (Турция, Египет). Модернизация в таком случае переходит в следующую стадию. Государство при этом становится авторитарным или тоталитарным.

Какая власть и каким образом способствует промышленному развитию?

Правый тоталитаризм возникает тогда, когда процесс первоначального накопления остался уже позади. Дальнейший рост производительных сил порождает безработицу. Но безработица может быть также следствием нехватки капитала. Лишь государство может дать занятость рабочим рукам и обеспечить капиталом промышленность. То и другое можно реализовать в результате внешней экспансии. Наблюдается узость внутреннего рынка и отсутствие внешнего, разорение мелкой буржуазии. Раскол среди рабочих: неквалифицированные стоят за уравнительность, квалифицированные — за работу с хорошим заработком. Необходимы капитал, рынок и, как следствие, всеобщая занятость и отсутствие конкуренции внутри страны. Кроме того, существует необходимость регулирования промышленности. Подобное, но в

ограниченном масштабе, делают даже либерально-демократические режимы, чтобы капиталовложения создали дополнительные рабочие места.

Сильное в военном отношении левоавторитарное государство стремится получить средства для промышленного развития путем ограбления других стран (войны Наполеона I и Наполеона III, Кромвеля) Подобная политика может иметь следствием военное поражение и возвращение к правоавторитарному режиму на несколько измененной основе (Реставрация в Англии и Франции). Государство, не имевшее сил для ведения широкомасштабной завоевательной политики, могло создать условия для привлечения иностранных капиталов. Но при этом почти неизбежно приходилось мириться с диктатом иностранцев в экономике. Интересы последних сплошь и рядом вступали в противоречие с потребностями данной страны. Поэтому если для французов при Наполеоне I, отчасти и при Наполеоне III, вполне естественным было преклонение перед силой своей государственной власти; преданность правителям во многом была искренней, неподдельной, то основная масса населения латиноамериканских стран столь же искренне ненавидела свои правительства, видя в них (и вполне справедливо) прислужников иностранного капитала. Поэтому-то и не могло либеральное правление быть долговечным, что провозглашенная либералами свобода обращения капитала оборачивалась для народов этих стран закабалением иностранным капиталом. Лишь авторитарный режим мог, подавляя растущее сопротивление своего народа, проводить основные положения либеральной программы.

Причины неустойчивости либерального и демократического режимов в начале революционного процесса – в несоответствии политических сил существующему режиму и изменениях в политических отношениях.

Характерно, что левоавторитарный режим, как правило, не сразу приходит на смену либеральному, а следует за термидором, тем самым как бы развеивая в прах надежды тех, кто считает, что можно заранее определить финишную черту революции. Непрочность либерального режима на ранней стадии революционного процесса определяется разными причинами: и экономической нестабильностью, и усталостью от революции, и страхом перед сопряженными с ней бедствиями, и наличием слишком многочисленных сил, чье благосостояние и само существование зависит от сохранения хотя бы части революционных завоеваний. Стремление к стабильности, порядку внутри страны должно, казалось бы, толкать их к восстановлению старого режима, но опасность утратить едва обретенные плоды революционного движения и боязнь белого террора заставляет их искать некий иной вариант стабильности. Им и оказывается левоавторитарный режим, который способен, хотя бы на первых порах, устроить отчасти и либералов, и

демократов, и даже какую-то часть сторонников старого режима, удерживая их от активного протеста.

В то же время там, где определенные шаги в направлении равенства скомпрометировали себя на раннем этапе, крен настроений в сторону экономической свободы все усиливается и ведет к нарушению экономического равенства. Рост темпов экономического развития ускоряется – до следующего этапа распределения, когда начнется процесс торможения.

Требование равенства могло возникнуть, естественно, лишь в социальных низах, но не все входящие в их состав классы и слои могли создать общество и государство на основе этого принципа.

Экономический кризис нарушает *пропорциональное равенство* в обществе, создает резкое неравенство. Вместе с тем увеличивается вмешательство государства в промышленное развитие и, тем самым, одновременно, в социальную сферу. Для мелкой буржуазии и для пролетариата лишь государственный сектор экономики и государственная служба могут обеспечить не только *пропорциональное равенство*, но сколько-нибудь устойчивое существование.

Демократия не всегда способна решить экономические и социальные проблемы. Она зачастую не может этого сделать в кризисные моменты. Отсюда – стремление масс к иной форме демократии, либо к диктатуре. К иной форме демократии стремится пролетариат, к диктатуре – мелкая буржуазия.

Представительная система подвержена кризисам в условиях многопартийности. Эти кризисы особенно опасны, когда сопровождаются развалом экономики, национальным бедствием (войной, голодом). Подобные бедствия, в известной мере, и вызывают кризис представительной системы. Для захвата власти крайними партиями непременным условием является ослабление центра, переход масс на позиции крайне левых или крайне правых партий. Это происходит, если партии центра слишком долго пытаются сохранить статус-кво. Наличие двух, примерно равных по силе, партий центра позволяет одной из них взять на себя функции реформатора, если другая партия, находящаяся у власти, в достаточной мере себя скомпрометировала. Неверная оценка соотношения опасности слева и справа мешает правильному выбору партиями центра своих союзников.

Представительная демократия возможна при определенном состоянии общества, когда разрыва между верхами и низами не существует, т.е. он заполнен многочисленными средними слоями. Не существует также и замкнутости какого-либо класса или слоя, все имеют равные возможности подняться на ту или иную ступень. Это – оптимальное сочетание равенства и свободы, постоянно колеблемое борьбой двух партий или блоков, одна из которых строит свою программу на принципе равенства, другая – на принципе свободы.

Нарушение сочетания в пользу равенства поднимает регулирующую роль государства, которое может присвоить себе общественные функции, вплоть до почти полного поглощения общества государством. Первоначально это выражается в установлении ограниченной тоталитарной демократии, которая может перерасти в тоталитарную диктатуру.

Полное уничтожение равенства в обществе невозможно, равенство так или иначе (имущественное равенство, равенство в бесправии) удерживаются в низах общества. Но попытка уничтожить равенство в новое время путем введения привилегий по национальному или классовому признакам, в конечном счете ведет к сокращению свободы, вплоть до почти полного ее исчезновения и, опять-таки, к поглощению значительной части общественных функций государством.

Особо следует сказать о тоталитарной демократии.

Данная форма правления не связана неразрывно с тоталитарным режимом в целом, а является формой демократии, предшествующей именно левому тоталитаризму. Причина видится в коалиции уравнилельных и консервативных сил. Именно для последних характерна та структура, которую можно наблюдать еще в глубокой древности в общинах землевладельцев, а позже – в крестьянских общинах классового общества, дружинах вождей, ранних христианских общинах, разбойничьих ватагах, казачьих станицах, рабочих артелях. Однако характерная для низших структур в бесклассовом и классовом обществах, эта форма в позднейшее время (уже в XXв.) переживает неожиданную трансформацию, поднявшись в итоге революционных движений до высших государственных структур, переродившись в дальнейшем в тоталитарную диктатуру.

Демократия акцентируется на социальных проблемах. Отказ либерального правительства от решения социальных проблем чаще всего приводит к его падению. К власти приходят демократы (Великая французская революция) либо либералы (революция 1848-1849 гг. в Германии). В обоих случаях это означает отказ от либеральных принципов свободы. Демократы, как правило, охотно выполняют ряд социальных требований (ведь они ориентируются на большинство народа), но в условиях революции не могут обеспечить его материальные интересы. Крестьяне получают землю, но большинство из них не имеет средств для ведения собственного хозяйства на земле, рабочие получают право на труд, но не могут его реализовать в условиях безработицы, инфляции и прочих бедствий, сопряженных с экономической нестабильностью. Из этого положения существуют два выхода: либо покушение на собственность буржуазную, либо требование порядка, с которым связывают установление экономической стабильности любой ценой. Первое ведет к *левоавторитарному* режиму, второе – к *правототалитарному*.

Демократия неизбежно будет тоталитарной тем, где общество не отделено от государства. Тоталитарная демократия всегда ограничивает не только свободу, но и равенство. Она ограничивает равенство, поскольку разные классы поставлены в неравные условия и, как результат, при тоталитарной демократии большинство, определяющее принятие решений, не есть действительное большинство. Когда тот или иной класс составляет большинство населения, ему достаточно равенства избирательных прав, но если он в меньшинстве, то стремится установить *неравенство*.

При всех внешних отличиях, пропасть, отделяющая тоталитаризм от демократии, не столь велика, как кажется на первый взгляд. Более того, можно сказать, что корни демократии – в тоталитаризме и корни тоталитаризма – в демократии. Объяснение этому феномену следует искать в самой истории соответствующих форм правления.

Прямая демократия – это власть, ведущая происхождение от общинной формы правления и лишь сравнительно небольшой общиной могущая управлять. Она изменяет свой характер, когда пытается выйти за рамки общины. Так, античный полис представлял собой государство – общину; в Афинском полисе господствовала демократия, но Афинская архэ (объединение нескольких десятков полисов вокруг Афин) управлялась отнюдь не демократически.

Демократия основывается как на принципе свободы, так и на принципе равенства. Равенство может существовать на разных уровнях: равенство в богатстве и равенство в бедности, равенство в правах и равенство в бесправии. Равенство в политических правах предполагает также высокую степень свободы. Феодализм заполнил существовавшую в рабовладельческом строе пропасть между свободой и несвободой. Он установил «иерархию свободы», в которой каждая более высокая ступень социальной иерархии предполагала несколько большую степень свободы, чем предшествующая.

Революция может предоставить возможность подниматься по этой лестнице все большему числу людей, либо вовсе ее уничтожить.

Ряд авторов рассматривает революционный переворот как предпосылку тоталитаризма левого, но тоталитаризм *можно характеризовать* и как реакцию на революцию (правый тоталитаризм), о чем одним из первых заявил Н. Бердяев [6, с. 120]. Действительно, на подобный характер правого тоталитаризма указывает хотя бы тот факт, что одними из первых его жертв становятся коммунисты, социалисты, социал-демократы. Однако причины правого тоталитаризма, как свидетельствует история, не только в этом.

В истории человечества как в новое время, так и ранее, существовали тенденции к тоталитаризму. Эти тенденции появляются в кризисные моменты развития. Длительные ожесточенные войны, экологические и политические кризисы – все это способствует возникновению тоталитарных

тенденций в экономике. Эти же явления порождают и активность социальных низов, ввиду обострения их нужды и бедствий, а также вследствие того, что власть в такие моменты нередко обращается к ним и предоставляет им возможности (реальные или иллюзорные) участия в управлении государством.

При этом может происходить перераспределение доходов через посредство государства. Вследствие этого недовольные (более или менее значительная их часть) получают от государства часть собственности низвергнутых сословий (раздел имущества церкви в период Реформации, распродажа «национальных имуществ» во Франции в конце XVIII в.), что в дальнейшем приводит к заглоханию данной тенденции, либо же значительная часть недовольных оказывается на жаловании у государства (в последнем случае тоталитарные тенденции надолго сохраняются и даже могут усиливаться в дальнейшем).

По-видимому, следует различать тенденции к левому и тенденции к правому авторитаризму. Для первых характерно в плане экономическом стремление к свободной экономике, в плане социальном – разрыв между верхами и низами, в качестве среднего класса – средние землевладельцы, в плане политическом – централизованное государство. Для вторых характерно: свободная экономика, разрыв между верхами и низами, в качестве среднего класса – средняя и часть мелкой буржуазии, в плане политическом – относительно слабо централизованное государство с сильной местной властью.

Правоавторитарные тенденции проявляются при развитии потребности в экономическом подъеме, опираясь на внутренние ресурсы, главным образом сельскохозяйственные. Левоавторитарные тенденции проявляются при потребности в экономическом развитии, опирающемся на средства привлекаемые извне.

Первые обусловлены относительно слабым развитием собственной промышленности, стремлением в связи с этим властей не допускать экономической интервенции иностранных товаров и капиталов. Отсутствие собственных капиталов для развития промышленности заставляет изыскивать ресурсы за счет сельского хозяйства. Их, как правило, оказывается недостаточно. Чаще всего это ведет к отставанию экономики страны и может вызвать взрыв в самой стране, направленный против правоавторитарного режима. На волне этого движения к власти приходят либералы.

При тоталитаризме власть оказывается в руках одной партии, а сама партия – под властью одного лидера. Происходит сращивание партийной верхушки с государственным аппаратом. Вместе с тем, происходит огосударствление общества, т.е. уничтожение или крайнее сужение независимой от государства общественной жизни, уничтожение гражданского общества

(последнее выражается, в частности, в запрете всех иных политических партий и всех организаций, не подчиненных правящей партии). Умалется роль права и закона: власть получает не ограниченные законом полномочия, государство становится неправовым. Партийно-государственный аппарат устанавливает монопольный контроль и над экономической сферой, утверждая централизованное руководство экономикой. С монополией на политическую и экономическую власть тесно связана и монополия на информацию: все средства информации и само содержание информации берутся под строгий контроль аппарата власти. Сохранение и упрочнение всей этой системы монополий невозможно без насилия.

Конституционным путем к власти может прийти партия, в действительности выражающая волю не наиболее многочисленной, а наиболее консолидированной, сплоченной социальной группы. Наглядным примером того, к чему это может привести, является установление фашистской диктатуры в Германии как результат победы фашистов на выборах в 1933 г. (фашистская партия тогда собрала голосов больше, чем любая другая, но меньше половины).

Фашизм в Германии победил, в частности, еще и потому, что раскол Веймарской коалиции (Центр, СДПТ, Демократическая партия и др.) пришелся на годы экономического кризиса. Любой кризис увеличивая бедствия масс, толкает их влево или вправо. Революционные потенции рабочих к концу 20-х гг. были в значительной мере исчерпаны. Но активность мелкой буржуазии только лишь начинала разворачиваться.

Вообще, при сложившейся двухпартийной системе пролетариат является массовой базой демократической партии (наряду с мелкой буржуазией). В кризисные моменты мелкая буржуазия правее, пролетариат – левее.

Пока существовала Веймарская коалиция, она была вне конкуренции и слева и справа. После же ее распада, когда каждой из партий пришлось в одиночку вести предвыборную борьбу, сказался основной порок многопартийной системы: ни одна из борющихся партий не отражала интересы большинства избирателей. В итоге в выигрыше наиболее многочисленное меньшинство, которое в общей массе избирателей все же остается меньшинством, диктующие свою волю большинству.

Правототалитарный режим выступает одновременно против либерализма и демократии, левототалитарный – только против либерализма. На деле же последний разрушает также и демократию.

На основе вышеизложенного можно сформулировать причины тоталитаризма в XX в.

- 1) Соотношение общественных и государственных сил: чем дальше на Восток, тем менее значительна роль общества в сравнении с государством.
- 2) Рост численности городских низов и маргиналов – результат того,

что значительный путь в экономическом отношении пройден еще до переворота.

3) Разложение городских низов: а) крестьянин противостоит фермеру; б) мелкий буржуа противостоит пролетарию.

4) Возрастание экономической роли государства. Государство – рантье становится государством – предпринимателем, претендующим на монополию и добивается осуществления этой претензии.

5) Вытеснение религии идеологией. Мировая религия обеспечивает личности известный суверенитет, идеология стремится подчинить себе личность целиком. С религией человек связан обрядностью (поступками), с идеологией – посредством мыслей, убеждений.

Рассмотренные здесь исторические примеры позволяют сделать вывод, что непосредственный переход к тоталитаризму правому или левому возможен только от демократического, а к авторитарному – только от либерального режима.

Библиографический список

1. Токвиль А. де. О демократии в Америке / А. Де Токвиль. — М.: Дело, 1988. — 551 с.
2. Арндт Х. Традиция и современность / Х. Арндт // Советское государство и право. — 1991. — № 3. — С. 82–111.
3. Arendt H. The Origine of Totalitarianism / H. Arendt. — N.Y.: Brasiller, 1966. — 481 p.
4. Ингерфлом К. Тоталитаризм / К. Ингерфлом // 50/50: Опыт словаря нового мышления (ред. Афанасьев Ю., Ферро М.). — М., 1989. — С. 372–377.
5. Dictionary of Politics. — N.Y.: OUP, 1974. — 483 p.
6. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. — М.: Прогресс, 1990 — 188 с.

Поступила в редакцию 20.11.2006 г.